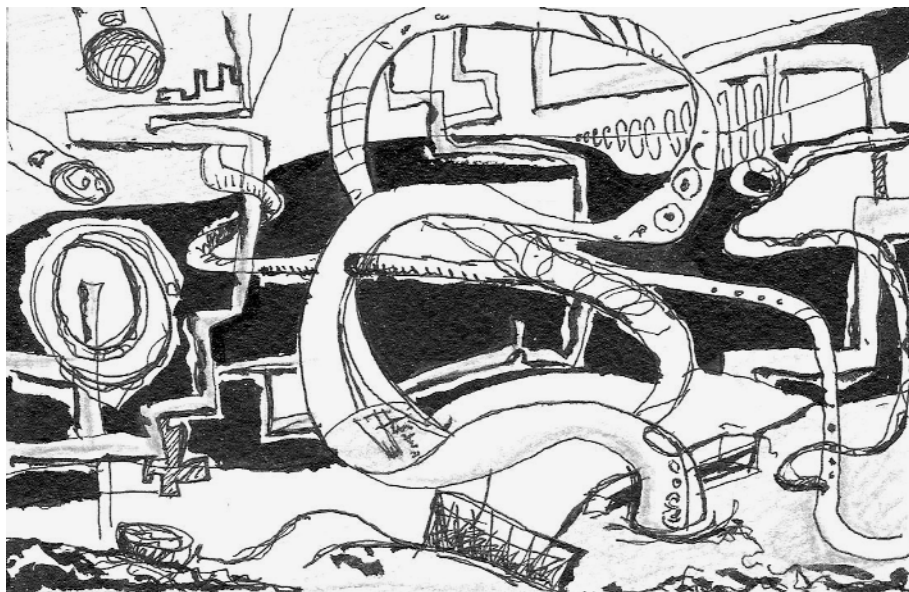

Мария Парфенова

Байкал-337

— Ну что, Юр, домой?

— Домой, — я вздыхаю и оборачиваюсь. Палыч стоит, облокотившись о косяк.

— Вот и правильно. Отдохнешь, развеешься.

В который раз предпринимаю безуспешную попытку закрыть набитый доверху чемодан и прячу улыбку: Палыч — гений, каких мало, но врать не умеет совершенно. Уж кому, как не ему, знать, от чего я бегу. От себя. От безысходности. От задачи, которая вот уже год, как не решается.

— Только ты это, — Палыч морщит лоб и грозит мне, как нашкодившему ребенку, — не думай. Пока отпуск не кончится — не думай!

Я бодро угакаю в ответ и кошусь на отражение Палыча в зеркале. Не верит. И правильно делает. Какой, к черту, из меня главный конструктор, если собственное изобретение до ума довести не могу? Там, на Земле, подумаю. Может, и в самом деле — лучше пойдет.

— Юр, — прерывает мои грустные мысли Палыч, — я к тебе, того, по делу. Ты на Землю как полетишь?

Пожимаю плечами — ответ очевиден:

— Через Двадцатый Перебросочный.

— Вот и замечательно! — Палыч потирает руки. — Слушай сюда. Там, сразу после выхода с Перебросочного, планетка будет. Ма-а-ахонькая такая. Триста тридцать седьмая по номеру. Помнишь? Не? Ну, и ладно, мимо всё равно не пролетишь. Так вот. Надо бы туда партию наших роботов-бурильщиков закинуть. — Палыч понижает голос и по-шпионски оглядывается на дверь, — я это дело начальству светить не хочу. Роботы уже списанные, конторе от них проку никакого, а мы с тобой, того — заработать можем. Угу? Там чуток совсем. Все в твой челнок влезут.

— Вляпаемся мы с этими роботами.

— Не вляпаемся! Я это дело даже через транспортников проводить не буду. Напишем, что ты, это, напрямик домой. А уж где ты там при-тормозишь — кому оно надо? Правда ведь? Ну, давай, Юрка! Что тебе — деньги не нужны, что ли?

Челнок готов и стоит, уткнувшись острым носом в здешнее розовое небо. Ветер треплет ярко-синий флаг на шпиле космодрома. Рядом суетится Палыч.

— Пароль для влета запомнил? Ничего не перепутаешь?

Вздыхаю и называю зазубренную комбинацию. Палыч кивает:

— Вот и хорошо, вот и молодец. Главное, аккуратненько капсулу сбрось, и всё.

— Как сброшу, сообщение на твой портал отправлю.

— Можешь не торопиться. Я его всё равно только через две недели прочитаю, — улыбается Палыч и вытаскивает из кармана ядовито-лимонную пластину.

— Это еще что?

— Это, — Палыч, кажется, готов лопнуть от гордости, — билет. На Хутсут. Посмотрел я на тебя, Юр, — зависть заела. Я ж тоже живой — отдохнуть хочу. Как все нормальные люди.

— Не дадут, — вспоминаю я ребят из конторы, — за каждой мелочью звонить станут.

— Предусмотрено! Я не то, что портал с собой не возьму, я даже трубу тут оставлю. Нет меня. Уехал. Умер. Исчез. Пусть сами разбираются.

Сейчас летать просто стало. Это от Земли до Луны далеко, а на больших расстояниях оно — вжик, и всё. Долетел до ближайшего Перебросочного, нырнул в него, моргнуть не успел, а ты уже в другом конце галактики. Милейшее дело, я вам скажу.

С космодрома до Перебросочного я пять суток добирался, а теперь всего ничего осталось — только груз закинуть. Сейчас еще десяток кружочков вокруг планеты сделаю, приторможу и капсулу вниз — бум! Делов-то!

Теперь только ждать. Блаженно потягиваюсь и запрокидываю голову. На сияющий квадрат лампы нанесена копия старой, чуть выцветшей фотографии. Песчаный берег, уходящая вдаль водная гладь, просеянные сквозь ветви сосен солнечные лучи. По колено в воде стоит взлохмаченный мальчишка лет четырех, морщит обгоревший нос и хитро улыбается.

Это Байкал. Я был там всего раз — тем самым мальчишкой, что сейчас смотрит на меня с потолка. Но память не оставила ни единого воспоминания об этой поездке. И спросить толком некого. Отец работал на самой окраине галактики — до сих пор не знаю, где точно. Исследования какие-то проводил. Там и погиб. А мама у меня хоть и хо-рошая, но рассказчик из нее никакой. Вот и получается, что только фотографии и остались.

Та-а-ак... Что это у нас на экране замигало? А, пароль запрашивает. Какая умная планетка. Даром, что необитаемая.

Совсем низко опустился. И чего они тут понастроили? Лабиринт какой-то стеклянный, одни ходы в другие переходят, под землю ныряют, петлями вверх высовываются. Фантазеры, блин, а не строители.

О, вижу площадку для сброса — пыльная зараза, до невозможно-сти. Что там Палыч говорил? Груз сбросить строго над юго-западным квадратом, створки откроются, капсула провалится, а дальше только программу автоматической разгерметизации капсулы запустить останется. Оглядываюсь на грузовой отсек. Где-то там, в титановой капсуле, лежат один рядом с другим три десятка роботов-бурильщиков. Ну что, ребятушки, в добрый путь?

Уходит вниз капсула, едва заметно вздрагивает челнок. На мгновение экран застилает волна поднятой пыли. А когда мгла рассеивается... Твою ж дивизию!!! Створки приемного квадрата не раскрылись. Валяется капсула посреди этой пыли, острым концом в небо смотрит — как издевается. Сейчас бы Палычу отбарабанить, что тут такая хрень происходит, и катить себе дальше, домой. Пусть сам разбирается. Ан нет. Не достучишься теперь до Палыча. И роботов просто так не оставишь. Н-да. Нехорошо получается. Ну, да ладно — и не с таким справлялись.

Челнок медленно идет вниз, мягко приземляется в полукилометре от станции. Ближе нельзя — хрен его знает, из чего эти коридоры стеклянные сделаны. А вдруг это пластик какой? Поплывется, а мне потом отвечай. Матерю Палыча на все лады и влезаю в скафандр. Тяжелый, гад.

Хрустит под ногами бронзовый песок, падает на землю длинная-длинная тень — словно хочет обогнать меня и добраться до входа первой. То и дело по сторонам попадаются блестящие лаково-черные обломки. Альмацит. И дался он им? Простейший минерал. Такого — где хошь — завались. А расходы на станцию, небось, не самые маленькие.

А вот и вход. Высоченная прозрачная арка, запыленная приборная доска с двумя десятками кнопок. Вспоминаю недобрым словом разработчиков скафандров — палец в перчатке чуть ли не вдвое больше кнопки, и набрать нужную комбинацию удастся далеко не с первого раза. Но вот код введен, и прозрачные створки медленно разъезжаются в стороны. Впереди — коридор и переборка. Экранчик, прикрепленный сбоку, тревожно мигает: содержание кислорода на станции — полтора процента. Маловато. Но система закачки воздуха стандартная, в такой даже ребенок не запутается. Кислород, азот, аргон, прочая мелочь — до идеала далековато, но дышать вполне можно. Дергаю за рычаг. Из глубины коридора доносится шипение, чуть запотевают прозрачные стены, мутнеет желтый пейзаж заброшенной промышленной планетки за номером 337.

Откидываю шлем. Внутри никого. А чего я, собственно, хотел? Полностью автоматизированная планета, транспортники за альмацитом и то — раз в полгода прилетают.

Иду. Тяжелые башмаки гулко бухают по полу. Черт бы побрал того архитектора, который эту станцию придумал. Коридоров — тьма, все стенки прозрачные: запутаться — на раз-два. Хоть бы карту где повесили, сволочи.

Сворачиваю за угол и замираю. В двух шагах от меня, помигивая стеклянными глазами-росинками, стоит робот. Господи, когда ж его выпустили? По виду — лет триста назад, не меньше. Человекообразный — руки, ноги, туловище в индикаторах. А на голове — фуражка жестяная. Бывает же...

— Ну, здравствуй, дорогой! — шутливо кланяюсь роботу. — Как мне в юго-западный квадрат пройти — не подскажешь?

— Настройка! — дребезжит робот. — Настройка голоса!

— Какая еще настройка? — не понимаю я.

— Настройка голоса! — не унимается робот. — В микрофон! В микрофон!

Кручу головой. А, вот ты чего хотел. Неподалеку от нас в стену и в самом деле вмонтирован микрофон. Подхожу и уже привычно набираю код.

— Запись голоса через пятнадцать секунд! — вежливо уведомляет меня система.

Что бы им такое сказать? Решаю представиться:

— Гордиенко Юрий. Главный конструктор третьей галактической исследовательской станции. Гамма-группа — сто тридцать пять. Индивидуальный номер — 684/972...

— Характеристики голоса сняты. Спасибо, — перебивает меня система, — двери всех отсеков станции закодированы на данную звукошумовую модель.

А навязчивый мне, однако, робот попался. Я тут уже половину коридоров облазил, а он всё за мной катается. Я ему уже и так и сяк, и

«отстань», и «отойди», и «стой на месте». Всё вглухую. Да-а-а. Подкинула судьба коллегу, нечего сказать.

Миновав еще дюжину поворотов, выхожу к чуть погнутым металлическим дверям. Совсем недалеко, за стеклянной стеной, по обшивке капсулы барабнят бронзовые песчинки, а за посадочной площадкой виднеется темное жерло огромного алмацитового карьера.

— Жил-был у бабушки серенький козлик, — фальшиво бурчу я в микрофон у самого выхода.

Система на мгновение задумывается, раздается чуть слышный щелчок — дверь разблокирована. Фиксирую шлем и выхожу наружу.

Да уж, теперь понятно, почему приемный отсек не раскрылся. Песок, сплошной песок. И снаружи это счастье не отпереть — ни единого рычага, ни намека на панель управления. Стало быть — изнутри ковырять придется.

Возвращаюсь, за моей спиной послушно смыкаются створки двери, бегут по скафандру и с шепотом осыпаются на пол ручки песчинок. Та-а-ак. Как же нам вниз пробраться? Должно же быть что-то...

Краем глаза ловлю незамеченный прежде экран. Без особых раздумий тыкаю в самую большую кнопку. По экрану пробегает волна, и на стены коридора ложится призрачный голубоватый свет.

— Вход в систему? — для порядка уточняет экран.

Усмехаюсь. Нет, дорогой. Я просто так зашел, с тобой в шашки поиграть.

Уверенно набираю заученный наизусть код. Динамик недовольно буркает, и экран меняет цвет с голубого на ярко-оранжевый. «Неверно». Гм. Пробую еще раз. Тот же эффект.

Н-да. Печальная ситуация. Что ж от меня эта зверюга хочет?

Словно в ответ на мой вопрос, на экране появляется фотография: неподалеку от песчаного берега по колено в воде стоит улыбающийся мальчишка, тянутся ввысь стройные красавицы сосны, убегает вдаль ровная гладь озера.

Замираю. Быть этого не может. Разум отказывается поверить в такое совпадение.

Сглатываю и набираю: Ю-р-а.

Из динамика доносится короткий, низкий гудок. Не то. Пробую «Юрий», «Юрочка», «Юрасик», «сынок», «сын». Не то, всё не то. Строка под фотографией всё мигает, всё зовет.

Я набираю «Б-а-й-к-а-л». Оранжевый фон вновь сменяется на голубой и любезно предлагает мне меню. Расписание транспортников, добыча алмацита, особенности климата, системы жизнеобеспечения, роботы... Ага, вот оно — «план станции».

Спускаюсь на нижний уровень на чуть подрагивающем лифте, рядом послушно замер робот. Секунды замедлились — едва заметно скользят вниз прозрачные стены шахты, ползет по полу лужица солнечного света, словно во сне мигает глазами-росинками робот, а в голове, обгоняя друг друга, летят мысли. Как? Почему? Откуда?

Откуда на этой заброшенной станции моя фотография? Фотография, оригинала которой не было даже у нас с мамой...

Из вихря мыслей меня выводит легкий толчок — лифт опустился под землю.

За раскрывшимися дверями — серый, потускневший металл стен, подслеповатый голубой свет, гулкое эхо. Без труда нахожу юго-западный квадрат. Запрокидываю голову. Огромные шестерни и валы, приводящие в движение створки приемного отсека, сплошь покрыты песком. Песок повсюду — горками у массивных квадратных колонн-подпорок, мелкой пылью на встроенных в стены экранах, и даже в воздухе вьется какая-то бледно-желтая взвесь.

Перевожу систему в режим ручного управления и тяну за массивный рычаг. Шестерни вздрагивают, но остаются на месте. Делать нечего, придется чистить.

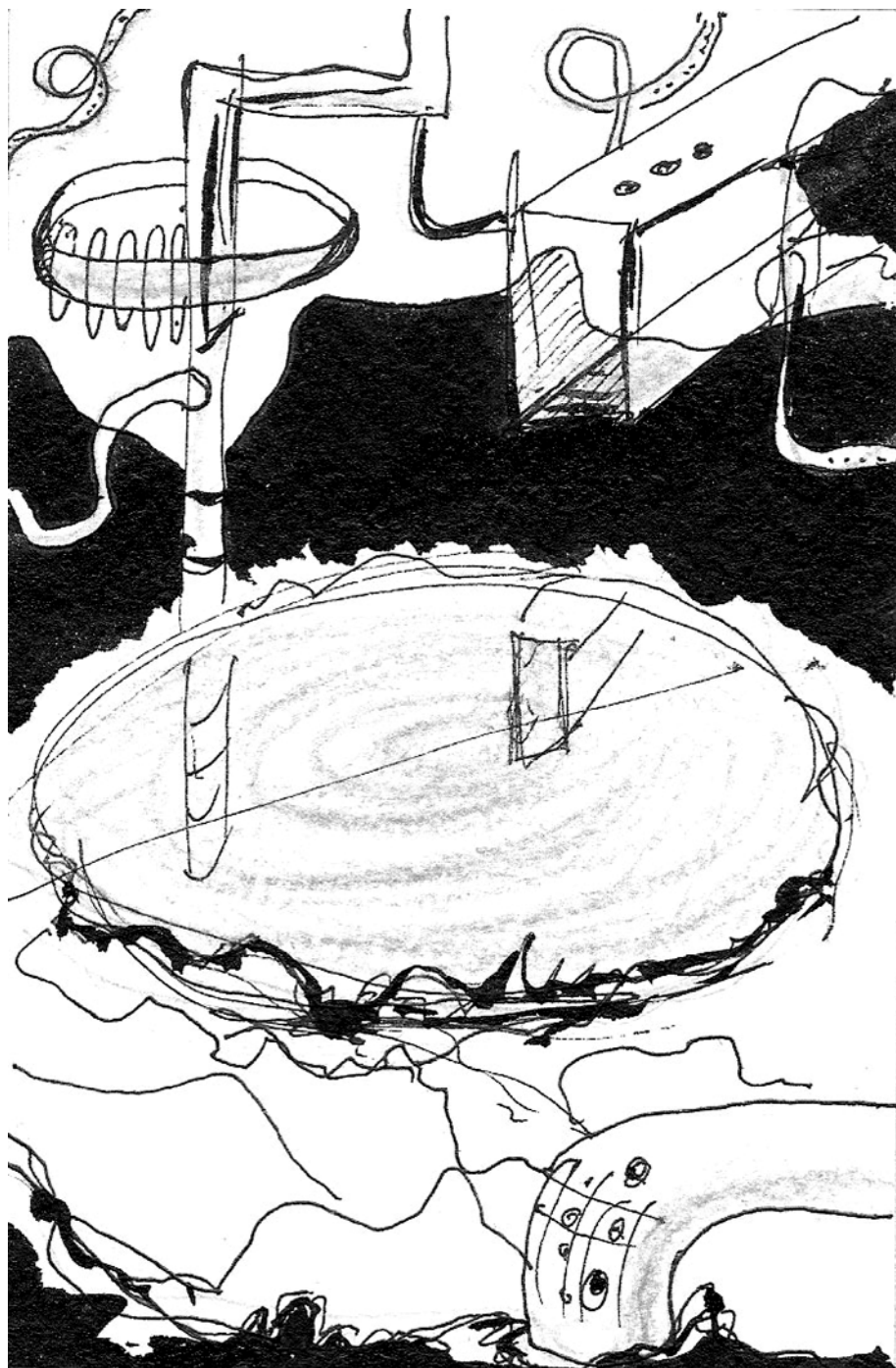
На то, чтобы выскоблить из механизма слипшийся от машинного масла песок, уходит весь остаток дня. От усталости гудят плечи, а в поясице поселился маленький кусачий зверек, который, стоит мне повернуться чуть резче обычного, норовит впиться в меня своими острыми зубками.

Душно. Очень душно. Вытираю со лба смешавшийся с пылью пот, в кожу впиваются колючки песчинок. Вновь тяну за рычаг. Шестерни начинают медленно поворачиваться, но вдруг откуда-то из глубины механизма доносится сиплый, протяжный скрип, и рычаг отказывается идти дальше. Вспоминая Палыча недобрый словом, лезу внутрь механизма. Ага. Вот оно что — разошлось и заклинило звено потемневшей от времени толстенной цепи. Да. Эту прелесть просто так не починить.

Смотрю на часы. На то, чтобы вернуться к челноку, у меня уйдет минут сорок. Плюс достать нужные инструменты. Плюс перекусить. При этой мысли желудок начинает требовательно урчать и ругать бестолкового хозяина всеми известными ему словами. Да, еще сорок минут на дорогу сюда, в приемный отсек. Нет уж. На сегодня с меня хватит.

Как могу отряхиваю с себя вездесущий песок и направляюсь к двери в лифт. Робот, всё это время неподвижно стоявший в дальнем углу, следует за мной. На выходе из станции опускаю шлем и кошусь на мигающий красным экран. От закачанного утром кислорода не осталось и половины. Лезу в меню, проверяю герметичность. Ага, вот оно что. На высветившейся схеме станции, вся северная сторона мерцает красными точками. Нехорошо. Но сейчас этим заниматься не будем. Сейчас в челнок и спать, спать, спать.

Над желтым горизонтом едва-едва показался край местного солнца, а я, затемно успевший позавтракать и собрать нужные инструменты, уже топаю по направлению к станции.

Солнечный луч ударяет в темные стены алмацитового карьера, и на какое-то мгновение мне кажется, что играющие черными бликами стены этой гигантской пропасти, вовсе не стены, а подернувшаяся мелкой рябью поверхность озера. Миг – и видение исчезает.

В дверях меня встречает вчерашний робот – мигает глазами-ро-синками и весьма недвусмысленно тычет в бегущую по экрану строчку. «В связи с отсутствием полной герметичности рекомендуется наполнять воздухом только используемые персоналом отсеки». Что ж, логично. Выбираю приемный отсек и прилегающую к нему часть надземного коридора и щелкаю по кнопке.

Починка цепи не заняла много времени, и вскоре на пол приемного отсека, увлекая за собой струйки песка, ухнула капсула с грузом. Автоматически раскрылась передняя панель, и на металлический пол один за другим выкатились все тридцать роботов-бурильщиков: ловко и слаженно пересекли отсек и нырнули в какую-то раньше незамеченную мной дверцу. А когда я, еще раз осмотрев механизм и убедившись в том, что в ближайшее время он не рискует превратиться в бесполезную грудку металла, поднялся наверх, за стеклянными стенами станции уже сновали привезенные мной работяги: вгрызались в угольно-черные стены карьера, и, поднимая облачка темно-серой пыли, сбрасывали на включившийся конвейер груды сияющего на солнце алмацита.

Дело сделано, но возвращаться на челнок не хочется. Не дает покоя увиденная на экране фотография, а предусмотрительно захваченный с собой пакет с едой и вовсе наталкивает на мысль посидеть и, не спеша, разобраться, что к чему. Из оказавшегося открытым помещения выволакиваю два больших пластмассовых ящика, водружаю их один на другой и с полным комфортом усаживаюсь перед экраном.

В одном из разделов – море фотографий. Д-а-а-а. Красотой планета 337 не отличается, воды на ней, похоже, и вовсе нет – только бледно-розовое небо без единого облачка и желтые барханы песка, изредка перемежающиеся с редкой уныло-серой скальной породой. Свихнешься нафиг от такого пейзажа.

Что-то тонко скрипит за спиной. Оборачиваюсь. Ни на минуту не отстающий от меня робот теперь снует из стороны в сторону и отчаянно скрежешет своими железными мощами. Странно. Вчера такого не было. Видать, успел набраться песка, пока сидел со мной в приемном отсеке.

– Чего тебе надобно, старче?

Робот на мгновение останавливается, медленно поворачивает голову в мою сторону и вновь деловито начинает курсировать из одного конца коридора в другой. Усмехаюсь и углубляюсь в чтение. Среди фотографий песчаных дюн обнаруживается несколько снимков, явно привезенных с Земли и сделанных в то же время, что и тот памятный кадр со стоящим по колено в воде лохматым мальчишкой.

Чешу в затылке и вполголоса затягиваю неожиданно вспомнившиеся строчки:

*Славное море, священный Байкал
Славный корабль — омулёвая бочка...*

Голоса у меня нет. И когда я пою, уходит даже терпеливый Палыч. Но роботу, похоже, нравится. Он временами останавливается, запрокидывает голову и стоит тихо-тихо, словно вслушивается.

День катится к полудню. Тень, отбрасываемая стоящим вдалеке челноком, стала совсем короткой, а я всё читаю и читаю. И если утром у меня еще были какие-то сомнения, то теперь от них не осталось и следа. Большинство записей и в самом деле были сделаны моим отцом. Невозможно. Невероятно. В голове не укладывается.

Тысячи вопросов и ни одного ответа. Что мог делать специалист по водным ресурсам на планете, где и воды-то нет? А ведь, если записи не врут, он провел здесь лет пять-шесть. Эх, батя-батя...

В горле сохнет, а оторваться от экрана нет никаких сил. И всё бы ничего, если бы не постоянный скрежет моего железного друга. Просьбы спокойно постоять на месте и не мельтешить, он игнорирует, а надевать ради такого дела шлем мне категорически не хочется.

— Слушай, дорогой, — наконец не выдерживаю я, — ты бы лучше чем-нибудь полезным занялся.

Робот останавливается и с укором смотрит на меня пластиковыми глазами.

— Слежение. Надо. Важно.

— Какое еще «слежение»?

— Слежение. Машины. Новые. Слежение.

Так вот оно что. Это ты, консерва моя дорогая, за новыми роботами наблюдаешь. Контролируешь, так сказать. Они туда-сюда по песочку носятся, и ты за ними. Замечательно.

— А почему бы тебе снаружи не последить? — стучу пальцем по стеклянной стене коридора.

— Нельзя. Температура. Высокая. Нельзя.

— А, поплавиться боишься? Ну, тогда пойди, что-нибудь полезное сделай. Из приемного отсека песок убери, что ли...

Робот замирает, словно переваривая информацию, затем поворачивается и со скрипом следует к переборке между отсеками. Я облегченно вздыхаю и возвращаюсь к чтению.

В разделе «Дополнительная информация» нахожу множество коротких, обрывочных записей. Графики температур за несколько десятков лет, особенности состава атмосферы, формулы, расчеты, цифры. Бррр... Эх, разобраться бы в этом. Но информации тут — за год не перелопатить. И переписать нельзя. Система совсем старая, теперешние носители не воспримет.

Местное солнышко неторопливо катится за дюны, суетившиеся за стеклом роботы-бурильщики по одному возвращаются обратно на

станцию, в голове у меня полный бардак, в желудке пусто, а спина затекла так, что не повернуться.

Решаю сделать небольшой перерыв. Достая еду и пакет с растворимым напитком. Эх, чайку бы сейчас.

А ведь, приходит в голову мысль, очень может быть где-то на станции и впрямь есть чай. Батя-то еще тот любитель был чаи погонять.

— Эй, железный, ты где?

Неужели до сих пор в приемном отсеке возится? Да за это время не то, что отсек, половину Сахары в кучку смести можно было. Ох, беда с этим роботом.

Поднимаюсь и направляюсь к лифту. В наступающих сумерках пейзаж за стеклом кажется еще более тоскливым. А это еще что? Откуда-то сверху в самый центр карьера светит тончайший красный лучик. Подхожу к стеклу, вглядываюсь. То, что вчера показалось мне ретрансляторной тарелкой, при ближайшем рассмотрении напоминает стандартный направленный излучатель. У нас в лаборатории таких пруд пруди. Вот только размер у него куда больше обычного. Странно. Индикаторы по краям, антенка, то, сё. Нет, излучатель, точно излучатель. Только вот для чего он в карьер светит? Эх, что за станция — одни загадки.

В приемном отсеке все чисто выметено, но робота нет. Смылся, подлец. Что за модель — и самостоятельно толком не действует, и начинаться по полной программе тоже не хочет. Поворачиваюсь и направляюсь к лифту. Из-за капсулы доносится едва слышимый скрип. Возвращаюсь. Робот лежит на полу: в одной руке зажата разломаченная метелка, другая — неестественно вывернутая — застряла между стеной и покрытой беловатым налетом толстой-претолстой трубой. Труба тянется из одного края отсека до другого и так близко прилегает к стенке, что понять, как мой железный бедолага умудрился просунуть туда руку — совершенно невозможно.

Цепляюсь за робота, тяну на себя. Без толку. Ни намек на движение. Так. А если рывком? Не, ну его. Как останется без своей клешни — что с ним потом делать? Взгляд падает на капсулу. Вот оно! Металлические пруты-распорки внутри капсулы держатся на съемных креплениях. Сейчас мы одну такую железяку откроем!

Склоняюсь над роботом и просовываю прут между стеной и трубой. Рывок! Еще рывок! Ага, поддается! Ничего, сейчас мы ее еще чуток прогнем и, считай, дело сделано. Ну, давай, милая, дава-а-й!!!

Нижний конец прута дергается, скользит по стене, я оступаюсь и всем весом повисаю на этом импровизированном рычаге. Казавшаяся крепкой труба неожиданно лопается, и из разлома с шипением валит густой белый пар. Захожусь кашлем. Нет, никакой это не пар. Это газ, самый натуральный газ — знать бы еще какой. Тьфу, мерзость какая! Из глаз слезы ручьем, ничего толком не вижу. Перекатываюсь на бок, подслеповато моргаю, стараясь разглядеть в белом облаке виновника

всех этих приключений. Ага, вот он! Поднялся и стоит, гад такой, как ни в чем не бывало, глазами-лампочками мигает. Хватаю этого паразита и волоку к дверям. Не дышать! Только не дышать!

За спиной с легким шипением сходятся герметично закрывшиеся створки двери. Бросаю робота и опускаюсь на пол. Голова идет кругом, а горло и вовсе дерет так, что слов нет. А еще этот паразит железный: наклонился, понимаешь, изучает меня как козявку. Интересно, паршивец, когда я тут подохну? Не дождешься. Не для того я...

Робот поднимает руку и тянется к моему лицу. Отмахиваюсь.

— Пошел! Пошел отсюда!

Робот замирает, медленно поворачивается и со скрипом катится прочь из отсека: не проделав и половину пути, оступается, цепляет металлической ступней брошенный посреди коридора рюкзак, но продолжает упорно ехать вперед. Рюкзак волочится вслед за роботом, чем-то бренчит. Интересно, чем?

Тьфу! И о чем я думаю?! Шевелиться надо, а я тут философию развел. Вставайте, господин главный конструктор, вставайте!

Поднимаюсь. Перед глазами какая-то пелена, стены покачиваются из стороны в сторону. Надо, обязательно надо побыстрее добраться до челнока. А там уж наверняка что-нибудь найдется. Шагать тяжело, в голове бьет в набат какой-то сумасшедший колокол, но ничего, я доберусь. Доберусь, доберусь, добе...

Приоткрываю глаза и зажмуриваюсь от яркого света. Это ж сколько я тут провалялся? Опираюсь на локоть, пытаюсь приподняться. В шее что-то хрустит. У, затек, затек я. Ну, это дело поправимое. Встаю. Так: голова не кружится — уже хорошо. Ходить могу? Могу. Замечательно. Ну, тогда на челнок. Газ хоть и не супер-ядовитый попался, а всё ж...

Топаю к двери. На ходу подхватываю оставленную у ящиков бутылку с водой. Наклоняюсь к микрофону у переборки:

— Сим-Сим, откройся!

Мама дорогая! Это у меня такой голос?! Это я?! Это правда я?!

У переборки тревожно мигает красная лампочка — ожил динамик.

— Проход закрыт. Голос не соответствует введенной звуко-шумовой модели.

Еще бы он соответствовал! Попробуй, наглотайся этой гадости, еще не так хрипеть будешь.

— А ну, открывайся! Открывайся, кому сказал!

— Проход закрыт.

Что б тебя! Пытаюсь откашляться. Не помогает. Свинчиваю крышку с бутылки. Отхлебываю.

— Сим-Сим!

Тот же хрип.

Та-а-ак. Миленькое дело. В приемный отсек соваться нельзя, там со вчерашнего дня газ шурует, да и проход в переборке все равно не раскроется. Чудеснее некуда. Ладно, сейчас шлем наденем, по стене из лазера шарахнем и до свидания, братцы. Оно, конечно, нехорошо, чужое имущество портить, да только выхода другого нет – уж не серчайте. Так, где у нас...

Оборачиваюсь и замираю. Там, за не желающей открываться переборкой стоит робот. Голова виновато опущена, железные ладони уперлись в стекло, а на полу валяется мой рюкзак, зацепившийся лямкой за железную щиколотку этого невезучего доходяги.

Подлетаю к двери. Лазер! Лазер остался там, в рюкзаке. А без него даже думать нечего о том, чтобы пробить стену. Мать-мать-мать...

Сижу на полу, прислонившись спиной к прозрачной перегородке. Жарко, невероятно жарко. Прозрачные коридоры, совершенно не предназначены для того, чтобы сидеть в них круглые сутки. Да оно и понятно: все рабочие помещения там, под землей. Давно снятый скафандр бесформенной грудой валяется на полу, по шее один за другим сбегает ручейки пота. Хорошо хоть бутылка с водой здесь осталась.

За стеклом деловито снуют роботы-бурильщики. Таскают алмацит, переправляют загруженные тележки из одного конца карьера в другой, следят за конвейером – и ноль, совершеннейший ноль внимания на меня. Я уж и в стекло колотил, и прыгал как клоун цирковой и руками размахивал. Всё без толку. У них своя работа. Они ни на что постороннее не отвлекаются. Программа не позволяет. А этот олух, из-за которого я газа нахлебался, так у дверей и стоит. Стоит на него глаза поднять, в микрофон тыкает – открывай, мол. А не могу! Не могу я ничего открыть!!!

Вскакиваю. Нервно хожу туда-сюда по коридору. Слева от меня дюжина дверей. Из них открыта только одна – в то помещение, откуда я вытащил ящики вчера вечером. Но выбраться из него невозможно. Те же прозрачные стены. Та же безнадежность.

Двери в остальные комнаты и вовсе не открываются. И вышибить их, как оказалось, нельзя – сколько раз я ни пытался, всё безрезультатно. Только разозлился сильнее, да больное плечо заработал.

Картинка выходит – милее некуда. Лазер в рюкзаке, рация там же. Что я тут – не знает никто, кроме Палыча. А Палыч, мать его, нежится сейчас на Хутсуге. Развалился, небось, в шезлонге возле бассейнчика, пиво потягивает и радуется, что никто ему звонками отдых не портит.

Так что – не прилетит Палыч, не спасет. Кислород в отсек только с главного пульта запустить можно. Динамик на стене работает – казалось бы, чего проще: попроси дружка моего железного к пульту смотаться, пару кнопочек нажать – и всё. Да только не хочет он туда идти, хоть убейся – я его уже и уговаривал и с собой взять обещал, если выберемся, и на металлолом сдать грозился. Глухо. Не реагирует.

Стоит себе, на меня сквозь стекло посматривает. Стало быть, с кислородом мы тоже пролетаем. А я тут, между прочим, уже вторые сутки сию. Сколько мне еще осталось? Вооот. И я о том же.

От нечего делать лазаю по экранному меню, смотрю фотографии, почитываю кое-что об истории станции. Тут за всё время, оказывается, всего пять ученых и работало. Один из них — мой батяня. Изобретали они тут что-то. А что — понять не могу. Файлов рабочих — море. Всех всё равно не перечитать. Но по названиям — что-то про атмосферу: из чего состоит, как формируется и формулы, формулы, формулы.

Одного понять не могу — на кой им на этой планетке атмосфера? Роботам воздух не нужен, они и без него очень даже неплохо справляются. Бред, чистейшей воды бред. А ведь здесь, среди этих песков, люди годами сидели. Или... Подождите-подождите... А что если алмацит, и роботы — это только так, для видимости? Исследования уже давно не ведутся, а добычу алмацита никто не отменял. Вот и привозят на планету новых роботов, когда старые из строя выходят.

Лезу в меню, судорожно перебираю файлы. «Катализаторы формирования атмосферы» — не то. «Подземные источники» — не то. «Особенности защитной системы станции» — не то. «Соискание премии Торреса». Ага. А вот это уже интересно. Открываю. Длинный-длинный многостраничный файл. Условия участия, рейтинг степеней важности открытий, составы оценочных комиссий, денежные призы. Ого. О-го-го! Ничего себе — сумма! Да на такую не то что хорошо жить можно, два десятка планет купишь и еще останется. Вот ради чего они тут вкалывали!!! Да... Жаль только, ничем это не кончилось. Прикрыли лавочку. Интересно, что за устройство было?

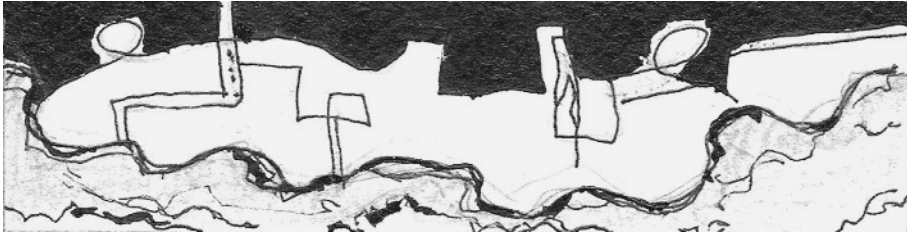
На станцию давно спустилась ночь, а я не сплю. На планете темно. Попрятались роботы, на пустующем челноке — ни огонька, высится вдальке гряда густо-черных гор. Темноту прорезает только тоненький красный лучик излучателя — тянется с самого верха станции и утопает в бездонной черноте карьера.

Странно оно как-то. Исследования уже тридцать с лишним лет как прикрыты. На станции никого, а лучик все светит и светит. Непроста это. Поднимаюсь и на ощупь пробираюсь туда, где в стену вмонтирован экран. Клацаю по кнопке включения, экран оживает, и тут же на иссиня-черной поверхности стекла рождается мое отражение — в голубоватом свете экрана лицо кажется мертвенно-бледным, под глазами залегли темные круги. Да, красавчик, нечего сказать. Хотя, кто его знает, может, я и на деле так выгляжу — три дня не жрамши. Ладно, это детали. Так что тут у нас про излучатели написано?

Модель. Дата создания. Материалы. Потребляемая мощность. Температурные условия. Техобслуживание. Условия функционирования. Ага, вот оно!

Спешу, читаю через строчку.

«При наличии объема воды, превышающего... Автоматически

производится наведение излучателя... Луч Оленева-Крохха выпаривает... Катализаторы формирования атмосферы содействуют... В кратчайшие сроки... Возможность создания полноценной и пригодной для проживания человека планеты...»

Трясу головой. Быть того не может. Это что же, батя из этой песочницы Эдем сделать надумал? Ерунда какая-то...

Слезаю с ящиков и едва успеваю опереться о переборку — эка меня занесло! В голове крутится сумасшедшая карусель, стены плывут, пол то вздымается вверх, то резко ухает вниз. Замираю, пытаюсь отдышаться. Стоять, главный конструктор Гордиенко. Стоять, не падать.

Когда туман в голове рассеивается, осторожно опускаюсь на пол. Чертыхаюсь про себя. Еще отключиться не хватало. Поспать, надо немного поспать. Пока прохладно, пока не взошло палящее солнце. Собираюсь повернуться на бок, но краем глаза ловлю нечто странное. По черному, в редких искорках звезд, небу катится крошечная оранжевая точка. Всё ниже и ниже. Свечение разгорается, и вот уже отчетливо виден яркий огонек, а за ним еще три — чуть поменьше. Но вот точки укатываются далеко в сторону и пропадают из вида.

Сглатываю. И привидится же такое. Был бы в здравом уме, сказал бы — челнок это. Только нет здесь никаких челноков. Нет и не будет.

Из динамика доносится скрип, приподнимаюсь на локте, вглядываюсь в темноту. Там, за переборкой, едва заметный глазу — ожил, засуетился, забегал из стороны в сторону мой неудачливый робот. Вот остановился, приник к стеклу, глазами-росинками замигал. Неужели тоже что-то увидел?

Подбирается робот к моей переборке, на меня внимательно смотрит и фуражку свою жестяную медленно-медленно с головы стягивает.

Истерически хихикаю. Научить робота кислород в отсеки пускать они не могли, а вот попрощаться напоследок — это пожалуйста.

Но вот что-то ярко вспыхивает, и из-под фуражки робота разливается слепящий малиновый свет. Весь отсек озаряется. Морщусь. Лучше бы ты, друг мой, этот свет включил, когда я тут по стеночке ходил. Всё у тебя не вовремя.

Лежу, полуприкрыв глаза. В голове крутятся обрывки мыслей. То видится кусок моей лаборатории, то потемневший под грозовым небом Байкал, то Палыч. На нем строгий деловой костюм с галстуком, а на голове круглый сияющий шлем... Палыч? Палыч?!!

Подскакиваю. Обиженное на отсутствие кормежки тело вновь норовит качнуться вбок, но я, как могу, цепляюсь за стекло. За ним, упершись ладонями в прозрачную стену, стоит человек в скафандре. На шлем падает яркий малиновый блик, и лицо едва различимо, но я знаю — это Палыч. Это самый настоящий Палыч.

Как могу, отгораживаюсь от света. Палыч что-то тараторит и размахивает руками, вдруг резко замирает, и вопросительно смотрит на меня. Дышу на стекло и в небольшом запотевшем облачке вывожу пальцем: «O2 мало». Палыч щурится, читает выведенную мной надпись, кивает и вытаскивает лазер.

Подхватываю брошенный на пол скафандр, в спешке натягиваю. Пальцы не слушаются. Шлем захлопывается только с третьего раза. Отхожу от стенки, прижимаюсь спиной к переборке. Раз — и в прозрачную стену ударяет луч. Давай, Палыч, давай, миленький. Мне ведь много не надо. Только чтобы наружу вылезти, а там...

Замираю. В том месте, куда ударил луч лазера, стекло помутнело и... шевелится. И, похоже, Палыч это тоже видит — отступает на шаг и поднимает лазер. Выстрел, еще выстрел. Поверхность шевелящегося стекла разрослась. И теперь, в ярком малиновом свете, видно, что оно утолщается. Перебегают с места на место ожившие струйки, затягивают так и не образовавшуюся прореху.

Не прошло и минуты, а стекло — как новенькое, только теперь оно раза в три толще, чем раньше. Палыч опускается на одно колено, что-то чертит на песке. Отходит.

«Вызову спасателей. Держись». Он машет мне рукой, и неловко переваливаясь из стороны в сторону, бежит туда, где неподалёку от входа на станцию остался его челнок.

Свинчиваю шлем и снимаю скафандр. Спасатели — это хорошо. Только вот успеют ли? В отсеке со вчерашнего дня — духота такая, что подумать страшно. Кислорода осталось часов на десять. И еще чуток — в баллонах скафандра. Итого — часов двенадцать или около того. Не густо, совсем не густо.

Солнце почти в зените. Пол в отсеке раскалился так, что еще чуть-чуть — и на нем можно будет жарить яичницу. Палыч давно вернулся и сидит на сером валуне. То на меня поглядит, то на небо. Ждет. И я жду. А они что-то не летят. Хотя уже давно пора.

Время и часы перессорились. Вязкие, словно резиновые минуты тянутся непозволительно долго, а между тем, светящиеся зеленые цифры на часах продолжают бодро сменять одна другую — торопят наступление вечера. Вечера, которого я, скорее всего, уже не увижу.

На коленях Палыча принесенный с челнока транслятор. Приподнимаю шлем и подношу его ко рту:

— Ну, и где они? — голос в шлеме звучит гулко, как в бочке.

Палыч пожимает плечами и в сотый раз принимается вызванивать кого-то через транслятор. О! Похоже дозвонился. Эх, слышать бы — о чем они там. Да только Палыч хитрый, мою звуковую линию от-

ключил. Считает, видать, что мне эти разговоры ни к чему. И он, в общем-то, прав. И без этого нервы ни к черту.

Щелчок и я опять слышу Палыча.

— Ну, что там они? Летят?

— Зависли, — Палыч вздыхает, а потом выдает такую витиеватую матерную тираду, какой мне бы и в голову не пришло от него ожидать. — Там у них какой-то метеоритный поток перед выходом из Перебросочного. Почти вплотную. Никого не пускают — спасатель ты или кто еще. Ждите, говорят.

Облизываю пересохшие губы.

— Сколько?

Палыч длинно-длинно шмыгает носом и замолкает.

— Сколько?! — рявкаю я в шлем.

Из динамика доносится вздох и тихое, почти неслышное:

— Шесть часов.

Сижу на полу, молчу. О чем тут еще говорить? В голове медленно-медленно кружат воспоминания.

Вот мы с батей на даче. Лежим на прогретой солнцем земле, обираем с куста землянику и тут же сеем в рот. Батя хитро улыбается, и в этом взгляде ясно-преясно читается «Маме не скажем».

Вот мне двадцать с небольшим и я готовлюсь к защите диплома. Ох, и передергался я тогда — подумать страшно.

Вот Палыч показывает мне мою новую лабораторию. Я пытаюсь делать серьезное лицо, а хочется скакать козлом и вопить от радости. Мне, мне доверили целую лабораторию. Уж я-то тут развернусь!!!

А вот снова батя. Он собирает вещи. Совсем скоро за ним приедет машина, и он уедет на космодром. Я знаю, что я уже большой и плакать мне не полагается. Ну, какой уважающий себя пятилетний мужчина будет реветь как девчонка? Но предательская слеза уже повисла у края глаза. Я стою и боюсь моргнуть. Батя опускается рядом со мной, обнимает одной рукой, а другой показывает в вечернее небо. Там, среди сотен крошечных звездочек, он находит одну.

— Ты будешь там? — спрашиваю я и шмыгаю носом.

— Не там, но совсем рядом. — улыбается батя. — Будешь меня ждать?

— Буду, — киваю я и утыкаюсь носом ему в шею. Шея загорелая и теплая. И ее совсем-совсем не хочется отпускать.

— А ты точно вернешься?

— Точно, — белозубо улыбается отец. — Ты только жди. Угу?

Эх, батя. Чего ж ты не вернулся-то? И далась вам премия этого... как его... Торреса?

Стряхиваю воспоминания и стучу по шлему. Замерший на валуне Палыч вздрагивает и вопросительно смотрит на меня.

— Слышь, Палыч! А как ты узнал, что я тут?

— Нашел время спрашивать, — бурчит в шлеме голос Палыча. —

Легко узнал. Отпуск на Хутсуте не досидел — совесть замучила. Как там ребятушки мои без меня, справятся ли? Прилетел, почту посмотрел. А от тебя — ни строчки. Странно, думаю, не должно такого быть. Позвонил на Двадцатый Перебросочный, спрашиваю, пропускали ли они челнок с твоим номером. Они там у себя что-то проверили, говорят, так точно, мол. Был челнок. Я на Девятнадцатый давай звонить. А там о тебе вообще ни сном, ни духом. Стало быть, из Двадцатого ты вылетел, а до Девятнадцатого не добрался. А между ними что? Между ними планета 337. Ну, а дальше ты знаешь.

Палыч собирается сказать что-то еще, но замолкает. Экран в моей прозрачной Бастилии начинает требовательно мигать красным светом. Приподнимаюсь, глубоко-глубоко вдыхаю. Отдираю от спины, прилиплю к ней мокрую майку. Ох, душно-то как! Собираюсь с силами и встаю. Делаю пару шагов к экрану. А, так вот оно что.

«Кислорода осталось на 1 час 30 минут» — уведомляет экран.

— Очень мило с вашей стороны, — не могу сдержат иронии я.

Но вот, через эту иронию прорывается злость — нежданная, непредсказуемая и оттого еще более страшная. А злость на Палыча, из-за которого вляпался в это дело. На робота, который упорно не хочет пойти и залить в отсек хоть немножко кислорода. На солнце, которое печет так, словно собирается зажарить меня живого.

Хватаю служивший мне табуретом ящик и испуганно колочу по стеклу. Удар за ударом. Еще и еще. Без толку. Абсолютно без толку.

В изнеможении опускаюсь на пол. Всё, братцы, кирдык. Не будет вам ни главного конструктора Гордиенко, ни изобретений его. Отыгрался я. Прощайте.

Из динамика льется уже знакомый скрип. Приникший к переборке робот указывает на скафандр, потом на солнце.

— Надеть. Надеть. — требует динамик.

А ведь он прав. Скафандр, с его тысячей оболочек, от солнца очень даже защитит может. И как я сам не додумался?

Облачаюсь. Ставший вдруг таким тяжелым шлем болтается за спиной и норовит перевернуть меня назад.

На встроенном в стену экране одна за одной мелькают картинки. Пески и скалы, темное ночное небо и палящее солнце, и карьер — глубокий, как бездна, карьер. А вот Байкал, в воде которого стоит веселый веснушчатый мальчишка, ничего не знающий о том, что его ждет на сухой и безжизненной планете 337.

Усмехаюсь про себя и хрипло затягиваю:

Славное море, священный Байкал,

Робот впился в меня взглядом, быстро-быстро мигают глаза-ропинки, на тонкой шее покачивается увенчанная жестяной фуражкой голова. Робот проводит по стеклу железной ладошкой и подхватывает:

Славный корабль — омулёвая бочка...

Замираю. С той стороны перегородки, через динамик доносится мой голос! Обычный, не охрипший!

Не знающий продолжения песни робот, вновь и вновь тянет вторую строчку, а я подлетаю к микрофону и рываю что есть мочи:

— Открыть перегородку!!!

— Звуко-шумовая модель голоса совпала, — вежливо уведомляет меня система. Проход в перегородке будет открыт через три секунды.

Поспешно накидываю шлем, но еще успеваю услышать, как из отсека со свистом начинают выходить остатки воздуха.

Бреду по коридору, справа от меня катится робот, слева — за стеклом — не отстает Палыч. Вот и главный пульт. Легонько подталкиваю робота:

— Спой еще!

Робот послушно заводит:

— Славное море, священный...

— Открыть центральный вход!

Створки двери разъезжаются в стороны, и только сейчас я понимаю, как я устал. Палыч подхватывает меня и мы, неуклюжие, в громоздких скафандрах, бредем к челноку. Робот следует за нами. Надо же, — пробегает в голове мутная мысль, — а говорил, что жары боится. Ну да Бог с ним...

До челнока остается не больше десятка шагов, когда земля под ногами начинает мелко-мелко дрожать.

— Это еще что? Кошусь на Палыча.

— Это...

Но необходимости в объяснениях уже нет: даже сквозь шлем слышен глухой рокот. Из карьера, подскакивая на камнях и толкая друг друга, несутся роботы-бурильщики. Вода, которую так долго сдерживала толща песков, вырывается из-под земли мощной струей: к розовому небу взмывает высокий, брызжущий фонтан.

Докопались!

Дремавший на крыше станции излучатель вдруг поворачивается: тонкий красный луч растет, ширится и ударяет в воду. Слышится отдаленное шипение, и над карьером мгновенно вырастает облако пара.

— Что творят, а? — то ли восхищается, то ли негодует Палыч.

Вода всё прибывает, а луч бьет. Бьет почти безостановочно. Едва заметная пауза, и снова шипение, снова облако пара. Земля под ногами вздрагивает еще и еще раз. Всё сильнее и сильнее.

— В челнок!!! — Палыч толкает меня в спину и сам ныряет вслед за мной. Последним в челнок проскальзывает робот.

Не успеваем мы захлопнуть за собой люк, как стоящий на трех ножках-опорах челнок начинает раскачивать из стороны в сторону, по обшивке что-то мелко барабанит. Челнок накреняется, какую-то долю секунды висит в таком положении и с грохотом обрушивается в пески планеты 337.

Хорошо всё-таки, что челноки невысокие. Потираю ушибленное колено и поднимаюсь на ноги. Чуть правее меня, нелепо закинув ногу на одно из сидений, лежит Палыч. Прямо на нем распластался робот.

— По-моему, — раздается в шлеме задумчивый голос Палыча, — этот железный ко мне пристаёт. Передай ему, что я мужчинами не интересуюсь.

Переглядываемся сквозь стекла шлемов и заходимся в дружном хохоте. Палыч порывается что-то сказать, но ничего кроме фыркания у него не выходит. Всё еще хохоча, подхожу к нему и протягиваю руку. Но как только схватившийся за меня Палыч пытается подняться, робот, до этого времени не соизволивший даже пошевелиться, начинает бешено моргать глазами-лампочками, обхватывает Палыча руками и ногами и повисает на нем как маленькая напуганная обезьянка. Палыч ловит свое отражение в одном из экранов, прыскает и снова валится на пол.

Отсмеявшись и отцепив от Палыча вконец очумевшего робота, пытаемся выбраться наружу, но без толку. По закону подлости челнок свалился люком вниз. Толстая металлическая панель чуточку отходит вбок и упирается в песок. Всё. Застряли. Поднять челнок из такого положения нереально.

Но во всяком плохом есть свое хорошее. Вызванные Палычем спасатели прилетят, как только с Двадцатого Перебросочного уйдет метеоритный поток. А это совсем-совсем скоро.

Я устал. Я устал и чертовски голоден. Едва успев снять скафандр, набрасываюсь на еду.

— погоди, чокнутый! — смеется Палыч. — Тебе много нельзя. Куда ты так сразу?

Отмахиваюсь и за обе щеки уминаю сухие галеты. И уж поверьте мне — в мире нет ничего вкуснее этих самых галет. Ручаюсь репутацией главного конструктора.

Просыпаюсь оттого, что Палыч трясет меня за плечо.

— Прилетели!

Прислушиваюсь. И в самом деле — совсем неподалеку слышен рокот идущего на посадку корабля. А буквально через полчаса наш челнок вновь принимает вертикальное положение. Молодцы ребята. Справились!

Облачаемся в скафандры и выходим в отсек перед люком. Робот следует за нами и робко трогает меня за рукав. Улыбаюсь и беру его за руку как ребенка — не оставлять же такого бедолагу одного, в самом-то деле.

На выходе их челнока нас встречают спасатели.

— Ну что, живые?

— А то! — усмехается Палыч. — Что бы мы, да...

Палыч замолкает на полуслове.

Бледно-розовое небо планеты окрасилось в густо-синий цвет,

желтый песок под ногами потемнел от влаги, а в когда-то сухом карьере теперь плещется огромное, живое, настоящее озеро. Торопятся, бегут одна за одной мелкие волны, пелену тяжелых туч то и дело прорезают всполохи молний, катятся по песку крошки сияющего алмацита. Смотрю и не верю своим глазам: над Байкалом-337 рождается гроза.

Замираю. А, была не была! Откидываю шлем.

Лицо щекочет шаловливый мальчишка ветер, а перед глазами стоит наш дом в деревне, солнечные пятна на деревянных ступеньках и загорелое батино лицо.

— Ты точно вернешься? — недоверчиво спрашиваю пятилетний я.

— Точно, — белозубо улыбается отец. — Ты только жди. Угу?

Сжимаю железную ладошку робота, втягиваю носом напоенный озоном воздух и тихо-тихо шепчу: «С возвращением, батя».

Об авторе

Парфенова Мария Александровна родилась в 1980 году. В 1997-ом закончила среднюю школу с серебряной медалью, в 2001 – Ростовский Институт Иностранных Языков с двумя красными дипломами (переводчик, преподаватель иностранного языка). Работает по специальности.

Пишет с 2001 года. В 2006 году получила Губернаторскую Премию как представитель творческой интеллигенции (писатель). В 2008 году заняла 2-е место на Ассамблее Фантастики «Портал» в номинации «Фантастика для детей».

Более 50 публикаций. Из них: рассказ «Ученик чародея» в сборнике «Русская фэнтези 2008», изд-во АСТ, 2008; рассказ «К слову о жуках» в сборнике «Поколение NET. Цветной день». Рига, 2008; рассказ «Честное Сонькино» в литературном журнале «Дон», №8, 2007; рассказ «Билет на клетчатую крышу» в альманахе «Безымянная звезда», № 2, 2007; рассказ «Лютик-Хризантема» в журнале «Реальность Фантастики», №8, 2006; рассказ «Дамба» в газете «Просто Фантастика», №5, 2006; рассказ «Приговор» в сборнике «Ветер с юга», 2005; рассказ «8 мая» в журнале «Остров Надежды», №3, 2005; рассказ «Самое-самое» в сборнике «Лазоревый Край», 2005; рассказ «Евламий» в сборнике «Вся неправда Вселенной», 2002. И другие.